

- государственный ун-т. – Барнаул, 1999. – 23 с.
5. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Центр, 1998. – 352 с.
 6. Христенко И.С. К истории термина “аллюзия” // Вестник МГУ. – Серия 9. – 1992. – № 4. – С. 38–43.
 7. Ярошенко Л.В. Неомифологизм в литературе XX века. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 103 с.
 8. Lennon P. Allusions in the Press. An Applied Linguistic Study. – B. & N.-Y., 2004. – 297 p.

Ляхур Чеслав
Опольский университет, Польша

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОННОТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ КАУЗАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Уже многие столетия понятия причины и следствия служат человеку для того, чтобы упорядочивать окружающий его мир. Причинность (иначе: каузальность) – это философская, а также лингвистическая, категория для обозначения необходимой связи явлений, из которых одно (называемое причиной) обуславливает другое (называемое следствием или действием). Будучи одной из основных категорий бытия, причина выступает в философии как в классификации Аристотеля, так и Канта. Событие представляется нам в самом общем виде как явление, ограниченное двумя ориентирами А и Б. Пункт А – это причина, то есть источник события, в свою очередь, пункт Б, конечный пункт события уже актуализованного, – это следствие. Посередине имеется еще цель, то есть своего рода динамическая причина или потенциальное следствие [2, 949–972]; [9, 310–311].

Трудно представить себе язык, в котором не было бы определенных средств для отражения причинно-следственных отношений, имеющих многочисленные, выраженные поверхностно, семантические оттенки. В славянских языках с древних времен понятие причины выражалось или падежной формой существительного, или конструкцией с предлогом.

Среди способов обозначения причины при помощи падежных форм имени выделяется существительное в творительном падеже. Существует несколько гипотез, касающихся происхождения творительного причины. Согласно одной из них творительный в функции причины после непереходного глагола употреблялся аналогично творительному в функции орудия действия после переходного глагола [13, 235]. Ср. выражение типа *mrzeć głodem* (буквально: *умирать голодом* ‘умирать от голода, с голоду’), которое возникло под влиянием *zabić głodem* (буквально: *убить голодом* ‘убить посредством голода’). Результатом этого была, например, возможность сказать *człowiek zginął mieczem* ‘человек погиб от меча (почему, по какой причине)’ наподобие *on uderzył mieczem* ‘он ударил мечом (чем)’. Такой способ обозначения причины был возможен потому, что в языке имеет место некоторое искажение реальной картины мира (или в виде определенной редукции и упрощения, или в виде антропоморфизации), вследствие этого человек смотрит на мир со своей, человеческой, перспективы. Антропоморфизация в этом отношении основана на приближении причины действия к его орудию.

Творительный причины с творительным орудия объединяет также польский языковед Я. Лось, который пишет (в переводе): “Следы, часто очень четкие, прежнего значения творительного, заставляют нас судить, что творительный причины является лишь модификацией творительного орудия” (“Ślady często bardzo wyraźne dawnego znaczenia

instrumentalnego [...] zmuszają do mniemania, że narzędnik przyczyny jest tylko modyfikacją narzędnika instrumentalnego”) [11, 41].

Понятие орудия (инструмента) может быть связано и с понятием деятеля, который пользуется данным орудием. Такая гипотеза выдвинута в работе “Творительный падеж в славянских языках” [5, 127 и след.; 160 и след.].

Творительный причины употреблялся в праславянском языке, и позже во всех славянских языках. Из современных славянских языков он находится в активном употреблении только в чешском языке [12]. В других языках сохранились лишь его остатки. В польском языке XVII века он был еще весьма активен. Ср.: *Nie tylko głodem siła ginęła* (буквально: *не только голодом сила погибала* ‘не только от голода’). *Nie zginął ci na morzu, nie umarł chorobą* (буквально: *не умер болезнью* ‘не умер от болезни’) [13, 236–237]. Творительный причины появляется прежде всего при глаголах состояния, обозначающих физическое состояние человека (типа *умирать*, *погибать*).

В современном польском языке творительный причины появляется сравнительно редко (в поговорках, фразеологизмах, в текстах, стилизованных на древнепольский язык): *Potrącił przypadkiem* (буквально: *задел случаем* ‘задел случайно’). *Oszczędnością i pracą ludzie się bogacą* (буквально: *бережливостью и трудом люди богатеют* ‘благодаря бережливости и труду люди богатеют’). *Przymierał głodem* (буквально: *замирал голодом* ‘жил впроголодь’) [8: 68–69]. Оказывается, что в современном языке данные конструкции уже не всегда сохраняют семантику причины.

Как было уже сказано, в славянских языках с древних времен понятие причины наряду с падежной формой существительного (главным образом, в творительном падеже) передавалось при помощи предложных конструкций с различными предлогами. Предложные конструкции функционировали параллельно с синтетическими формами, постепенно их вытесняя. Они характеризуются большой разнообразностью как в отношении корпуса употребляемых предлогов, так и в отношении семантических оттенков причины.

Развитие каузальной семантики из пространственного значения представляется довольно отчетливым и обоснованным. Довольно большое количество причинных предлогов вызвано тем, что категория причины является категорией, которую можно отнести к категориям в высшей степени “логическим”. Причина была своего рода тайной, абстракцией. Ум древнего человека, стараясь раскрыть причину при помощи понятных ему физических ощущений, искал ее по отношению к разным частям предмета, расположенного в пространстве.

Данные многих языков доказывают, что причину искали в предмете (в его внутри): *zarumienić się z radości*, *голова закружилась с непривычки*, *воровать из бедности* – здесь мы имеем дело с семантикой элативности ‘движение изнутри предмета наружу’;

– рядом с предметом: *szerniałe od wilgoci pnie drzew*, *мне хочется кричать от стыда*, – значение аблативности ‘отделение от предмета’;

– перед предметом (семантика антеэссивная): *Chciał mówić, ale przed płaczem nie mógł* ‘хотел говорить, но из-за плача не мог’ (буквально: *перед плачем не мог*);

– за предметом: *za moim przybyciem twarz jej się zarumieniła*, *не слышать шагов за шумом дождя* (семантика постэссивная);

– на предмете (семантика суперфициальная): *umrzeć na tyfus*, *заболеть с горя*;

– в пространстве насквозь предмета (семантика транслативная ‘переход через предмет, пространство’): *spóźnił się przez swoją głupotę*.

Взгляд, согласно которому причинная семантика первичных предлогов в славянских языках развилась из пространственного значения (имеются в виду предлоги созвучные), в лингвистической традиции укоренился уже давно (ср., например, [1]; [3]). На эту тему впервые высказался Л.П. Якубинский, который прямо говорит: “Причинное значение имеют и некоторые другие, первоначально пространственно-временные, предлоги”. К ним он отнес, кроме названных выше, также предлоги *из-за*, *через* и другие [7, 257].

Как известно, одним из основных средств выражения причины в русском языке является предлог *из-за*: *ничего не слышать из-за шума*, *избежать суда из-за недостатка улик*, *голова разболелась из-за шампанского*.

Согласно взгляду, что каузальное значение всякого созвучного с локативным предлога развилось из пространственного как значение метафорическое, позволяет утверждать, что таким же образом возникло и каузальное значение предлога *из-за* (в своем пространственном значении этот предлог является показателем одного из более конкретных семантических оттенков пространственности, а именно т. наз. аблативности).

Но существует и другое мнение. Оказывается, что каузальное значение предлога *из-за* в русском языке появились только в первой половине XIX века. Доказано, что этот предлог в причинном значении не является ни общеславянским, ни даже общевосточнославянским, но только русским. Предполагается, что причинное значение предлога *из-за*, в отличие от других русских (и славянских) каузальных предлогов, возникло значительно позже, сначала для обозначения виновника действия, сочетаясь с именами существительными, называющими лиц, или с личными местоимениями (*из-за тебя*, *из-за вас*). А.М. Финкель утверждает, что данный предлог возник как “ответ на требование выразить то отвлеченное общепричинное значение, которое до этого времени не имело еще отчетливых средств выражения” [4, 43].

В польском языке, как известно, предлог *z* в причинном значении не выступает. Русскому *из-за* в причинном значении соответствует в польском языке несколько предлогов: общепричинный *z powodu*, реже *przez* (буквально: *через*) и – при некоторых существительных – *z*.

На связь пространственного и причинного отношения предлога *из-за/ z* указывают также следующие факты. Приведем следующее рассуждение, чтобы подтвердить это положение. В категории именной локативности в славянских языках имеется значение ‘ориентация относительно задней стороны локума, исходная точка движения’ типа русского *Из-за дома выехала машина*. В польском языке для этого значения используется тот же предлог в его польском варианте *z*: *Zza domu wyjechał wóz*. Это значение имеет оппозицию динамичности/статичности. Динамичность в обоих языках представлена теми же самыми типовыми ситуациями и практически идентична. Но в рамках статичности есть интересные различия. Итак, в польском языке синтаксемы с предлогом *z* являются показателями двух типов ситуаций: а) *Wyszedł i już zza progu powiedział* – буквально ‘Он вышел и уже из-за порога сказал’; *Sąsiad zza między zaczął wyjaśniać sytuację* – буквально ‘Сосед из-за межи начал прояснять ситуацию’; и б) *Zza okna uśmiechał mi się sąsiad* – буквально ‘Из-за окна ему улыбался сосед’; *Zza okna świeciło słońce* – буквально ‘Из-за окна светило солнце’.

Приведенные русские соответствия противоречат не только русской норме, но и системе языка. Дело в том, что в польском языковом сознании пространственный объект, имя которого вводится предлогом *z* – это только ‘межа’, ‘граница’, в русском же языковом сознании этот пространственный объект должен представлять собой ‘преграду’, которая или не преодолевается, или преодолевается с трудом. Ни порог, ни межа к таким

не относятся. Поэтому первым двум польским предложениям в русском соответствуют предложения: *Он вышел и уже за порогом сказал; Стоя за межой, сосед начал прояснять ситуацию*. Что касается ‘окна’, то в русском языковом сознании окно в первую очередь трасса, по которой проходят свет и звуки. Корректными для русского языка были бы предложения: *В окно* (если сосед на улице)/*Из окна* (если сосед в комнате) *ему улыбался сосед; В окно/Через окно светило солнце*. В предложении *Он разговаривал со мной из-за двери* носитель русского языка однозначно поймет, что дверь была закрыта. Возможно, именно наличием в таком употреблении предлога *из-за* семы преграды можно объяснить, что в русском языке этот предлог – одно из главных средств выражения причины в рамках категории именной каузальности: *Из-за дождя не пошел гулять*.

Если учесть, что на образование сложного причинного предлога *из-за* в русском языке непосредственное влияние оказали предлоги *из* (с родительным падежом) и *за* (с винительным и творительным падежами) – два простых предлога той же семантики, которые употреблялись в тех же условиях, в которых в современном языке выступает предлог *из-за*, эта гипотеза в свете вышесказанного может оказаться весьма убедительна. Тем более, что основное значение предлога *за* – это выражение причины-помехи, причины-препятствия, “под воздействием которых действие или не осуществляется вовсе, или не доходит до намеченного конца и видоизменяется” [4, 42].

Конструкции с предлогом *через* в причинном значении в русском языке считаются просторечными: *Через болезнь петь не могу, а регент за каждую обедню сорок копеек вычитает* (А. Чехов), то есть ‘из-за болезни’. *Тетушка спрашивала Ивана Яковлевича, через что его дочь не родит: оба, говорит, молоды и красивы, а детей нет?* (Н. Лесков). *Наплачутся от вас женщины, Илья Ильич. Вот через таких-то и травятся и карьеру свою теряют* (А. Толстой). В польском литературном языке конструкции с предлогом *przez* (формальный вариант русского *через*) продуктивны: *nie zgasila lampy przez zapomnienie, wpadl w furię przez zazdrość*.

Также в украинском языке предлог *через* в причинном значении употребляется довольно свободно. Ср.: *Через отой неспокій уночі я прокинувся раніше звичайного і став прислухатися до світанку. З багатством у нього не витанцювалось через більшовиків. Через надмірну вологість стоїть туман* (примеры из: [6]).

Остановимся кратко на функционировании предлога *przez* в причинном значении в польском языке (в сопоставлении с русским языком). Закономерности употребления данного предлога неоднозначны. Наблюдения показывают, что он может быть употреблен в любом контексте, если следствие говорящим оценивается отрицательно. Ср. примеры: *Lech podobno obiecal z nim rozmawiac, ale przez swoją głupotę* (W. Kuczyński) ‘но из-за своего тупоумия’. *Przez swoją chciwość i przewrotne sztuki tuczy się krwią i potem chrześcijańskiego narodu!...* (L. Kruczkowski) ‘из-за своей жадности’. *Wiem, co czuje tata Kaspra, który cierpi przez błąd lekarza* (из газет) ‘страдает из-за ошибки врача, по поводу ошибки врача’.

Кроме того, есть многие примеры употребления предлога *przez*, когда отрицательная оценка следствия не является обязательным условием его использования для выражения причинного значения. Это видно, например, в предложениях типа: *Porozmawiała z nim trochę przez grzeczność* ‘она с ним поговорила минуту из вежливости’. *Przez te pochwały pozbył się kompleksów* ‘благодаря этим словам похвалы он лишился комплекса неполноценности’. *Przez te masaże bardzo wyszczuplała* ‘благодаря массажу она стала стройнее’. *Przez te powszechne dowody uznania szef zaczął go lepiej traktować* ‘благодаря

всеобщему признанию шеф стал относиться к нему лучше' (более подробно на эту тему см. [10]).

В конструкциях с предлогом *przez* отмечены существительные различных классов: одушевленные существительные (и местоимения), относящиеся к лицам (реже к животным), конкретные существительные, абстрактные существительные. Самую большую группу составляют одушевленные существительные: [...] *nie wierzę, żeby odpadł tylko przez Ewę* (K. Berwińska) 'не верю, чтобы он отпал из-за Эвы'. *Dotychczas byłem osłem, bo cierpiałem przez inne, teraz jestem osłem, bo inna cierpi przez mnie* (S. Dygat) 'потому что я страдал из-за других [женщин], сейчас другая страдает из-за меня'. *To przez was wszystkie te tarapaty* (A. Sapkowski) 'это из-за вас все эти хлопоты'. *To przez Amerykanów - komentuje drugi* (из газет) 'все это из-за американцев'. [...] *tak, Cyrylku, wszystko przez ciebie, wszystko przez tych Żydów* (S. Grochowiak) 'все из-за тебя, все из-за этих евреев'. Конструкциям с предлогом *przez* в русском языке соответствуют, как правило, конструкции с предлогом *из-за*.

В отдельную группу следует выделить конструкции с существительными, называющими конкретные предметы: *Kobieta umarła przez kielbasę* (из газет) 'женщина умерла из-за колбасы'. *Zakażenie może także nastąpić przez niesterylne igły i strzykawki, pożyczane sobie wzajemnie przez narkomanów* (из газет) 'инфекция может произойти из-за нестерильных игол и шприцев'.

Следующий класс составляют абстрактные существительные: *Przez próżność przybrał nazwisko głośnego partyzanta, z którym lubił się porównywać* (Z. Kossak) 'из тщеславия он приобрел фамилию известного партизана'. *Można tam było nawet zostawić przez zapomnienie jakiś cenny przedmiot* (из газет) 'можно там было даже оставить по рассеянности какой-нибудь ценный предмет'. *Pomiędzy kartkami maszynopisu znalazłem anonimową recenzję, pozostawioną tam przez niedopatrzenie czy też przez świadomą złośliwość* (J. Brzechwa) 'оставленную по недосмотру или же из сознательной злобности'.

Из вышесказанного следует общий вывод. Мысль об однотипности логического строя языка и мыслительной деятельности людей, говорящих на разных языках, не нова и неоднократно высказывалась в научной литературе. Во многом совпадает с логической и языковая картина мира, но при этом лингвистическое моделирование языка, осуществляемое через вербальные образы и языковые модели, национально окрашено. Овладевая иностранным языком, человек не создает новый мир, а знакомится с ним и формирует новое отношение к этому миру.

Использованная литература:

1. Букатевич Н.И. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке. – Одесса, Ч. I, 1957, Ч. II, 1958.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры, изд. 2-е, испр. и доп. – Москва 2001.
3. Тагамлицкая Г.А. Сложение предлогов как средство пополнения категории предлогов в славянских языках. В: Славянская филология, Т. III. – Москва 1958.
4. Финкель А.М. К истории предлога *из-за* в причинном значении. В: Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1961, № 2.
5. Ходова К.И. Творительный падеж в страдательных конструкциях; Творительный причины. В: Творительный падеж в славянских языках, под ред. С. Б. Бернштейна. – Москва 1958.
6. Шукіна І.А. Статус причинових прийменників у комунікативній структурі висловлення. – В: Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць, випуск 14. – Донецьк 2006.
7. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – Москва 1953.
8. Gryboszowa A. Fraza nominalna przyimkowa w funkcji okolicznika przyczyny. "Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej", XVIII, 1979.
9. Kempf Z. O sposobach językowego wyrażania przyczyny. "Prace Filologiczne", XXII, 1972.
10. Klebanowska B. Wyrażenia przyczynowe z rzeczownikami abstrakcyjnymi we współczesnej polszczyźnie. –

- Warszawa 1982.
11. *Łoś J.* Funkcje narzędnika w języku polskim. – Kraków 1904.
 12. *Machová S.* Příčina v syntaxi češtiny. – Praha 1972.
 13. *Pasoń A.* Syntaktyczne sposoby wyrażania przyczyny w polszczyźnie XVII wieku. “Prace Filologiczne”, XX, 1970.

Мікіна О.Г.

Донецький національний університет

СЕМАНТИЧНІ ПОШУКИ У ПОРІВНЯЛЬНО-ІСТОРИЧНОМУ МОВОЗНАВСТВІ

В індоєвропейських мовах фіксуються дієслова, що поєднують у собі значення “*просити*” та “*запитувати*”. Такий стан речей існував в усі часи мовної еволюції. Тільки словник синонімів К. Д. Бака, який наводить лексеми обмеженої кількості індоєвропейських мов, дає низку подібних дієслів, зокрема сучасне англійське *to ask*, його попередників давньоверхньонімецьке *eiscōn* та середньоверхньонімецьке *eischen*, латинське дієслово *rogāre*, валійське *gofyn*, бретонське *goulenn* [7, 1264, 1270]. Для носіїв російської мови зрозуміло, що *просить* тільки завдяки префіксу відрізняється за своєю формою від *спросить*, а отже, це підтверджує значеннєву спорідненість обох понять. До дієслів, що поєднують обидва значення, належить і панроманське дієслово, утворене на базі латинського *demandāre*. Так, наприклад, вивчаючи французьку мову, іноземець засвоює дієслово *demande* як таке, що втілює обидва поняття, і саме це дієслово є таким, що першим спадає на думку, коли треба висловити значення “*просити*” або “*запитувати*”. Для італійської мови дієсловом, що об’єднує ці два поняття, є *domandare*, для іспанської та португальської – *demandar*. Чи можна побачити за цими прикладами якусь глибинну закономірність?

Будь-які трансформації, що відбуваються в семантичній структурі мови, не можна вважати випадковими. Мова є системою, і ця теза стала аксіомою у лінгвістичній науці, а отже, і еволюція значень, які є складовою системи, має відбуватися за певними законами, що відбивають загальні семантичні універсалії. Пошук цих універсалій лежить, безумовно, в площині порівняльно-історичного мовознавства, яке має встановити семантичні закони, притаманні будь-якій мові. Проте ідея пошуку семантичних універсалій у лінгвістиці не є беззаперечною, на відміну від пошуку універсалій фонетичних, або морфологічних. Багато науковців вважають значеннєву еволюцію якщо не випадковою, то, принаймні, залежною від багатьох чинників, що належать до екстралінгвістичної площини. Безумовно, узагальнити й звести все багатство і різноманіття значень до певних схем не просте завдання. Серед невдалих спроб зробити це чимало таких, що тільки посилювали скепсис противників самої можливості існування закономірностей у зміні лексичних значень (досить згадати “семантичні закони” М. Марра, побудовані на так званому “палеонтологічному аналізі”). Робота у цьому напрямку має відбуватися за чіткими критеріями і з великою обережністю, щоб звичайний збіг, або певну регулярність не сприйняти за абсолютну закономірність. Застереженням у цьому можуть бути слова В.Звєгінцева, який стосовно встановлення закономірностей у семантичних процесах писав: “Для того, щоб приступити до розв’язання цього завдання, не досить констатувати семантичне зрушення (що само по собі не завжди просто); треба мати точне знання про те, які його хронологічні рамки, внаслідок яких причин та як воно відбулося, як